

ОНОМАСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

К. Бромберже

Университет Экс-Марсель
(Экс-Прованс, Франция)
bromberger.christian@gmail.com

К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ АНТРОПОНИМОВ*¹

Мы классифицируем, как можем,
но классифицируем.

К. Леви-Стросс

1. Тяжелый груз филологического прошлого

В работе, посвященной средневековым антропонимам Фореза (регион во Франции. — *Прим. пер.*), А. Валле напоминает о задачах, которые обычно ставят перед антропонимикой филологи² и историки: 1) классифицировать и интерпретировать антропонимы; 2) описать их эволюцию [Vallet, 1961, 13].

* Впервые опубликовано в: *Bromberger C. Pour une analyse anthropologique des noms de personnes // Langages. № 66 (juin 1982) : Le Nom Propre. P. 103–124.*

¹ Эта статья многим обязана пионерским размышлениям К. Леви-Стросса в книге «Неприрученная мысль» [Lévi-Strauss, 1962b] и работам Ф. Зонабенд по европейской антропонимии, в частности, ее последнему исследованию «Имя человека» [Zonabend, 1980]. Она же помогала мне советами и замечаниями во время работы над этой статьей — я благодарю ее за дружеское сотрудничество.

² Во французской научной традиции понятие «филология» соотносится с изучением древних языков и литератур. В этом смысле филология противопоставляется как антропологии, так и лингвистике, которые (особенно в контексте данной работы) понимаются прежде всего как структурно-теоретические дисциплины. — *Прим. пер.*

© Бромберже К., 1982

© Спиридонов Д. В., перевод, 2012

Статьи, публикуемые в «Revue Internationale d'Onomastique», обобщающие работы Доза [Dauzat, 1942; 1949; 1951; и др.] или Лебеля [Lebel, 1946], свидетельствуют о перспективах, но и также об ограниченности такого подхода. Для всех этих авторов, как и для многих других, не столь именитых [см., например: Vroonen, 1967] антропонимическое исследование становится частью гигантского проекта классификации: мельчайшие находки, обнаруженные на многовековом отрезке времени, должны позволить выделять имена собственные либо в зависимости от их языкового или диалектного происхождения (в этом случае предпринимаются попытки выделения антропонимических «слоев» (*couches*) и «ареалов» (*aires*)), либо в зависимости от их семантических свойств (имена классифицируются по семантическим сферам в зависимости от выявляемых между ними сходств: имена религиозные и светские, прозвища, обозначающие физические признаки, профессиональную принадлежность и т. п.), либо в зависимости от моделей их образования или внутренней структуры (в этом случае стараются детально описать по этапам, например, то, как в XII–XIII вв. во Франции родовое имя стало употребляться вместе с личным именем, бывшим до этого единственным средством именованья человека).

Не ставя под сомнение вклад — иногда весьма значительный (см. ниже) — этой ономастической традиции³, можно задаться вопросом, до конца ли сторонники историко-филологического похода осознают значение объекта своих исследований, правильно ли они понимают его и определяют его функции. Основной задачей антропонимического исследования, по логике, должно быть выявление правил, которыми руководствуется общество, наделяя индивидов именами, принципов, следуя которым, именованье классифицирует индивидов одной или разных категорий (в зависимости от пола, принадлежности к одному и тому же роду, клану, поколению, местности...), законов, которые управляют системой имянаречения (мы знаем, что человек нередко получает не одно, а несколько имен в течение первых дней или нескольких месяцев после рождения или в течение всей жизни), наконец, синтагматических особенностей, отличающих в высказывании имена от других именных классов, и общественные нормы, предписывающие или запрещающие их использование в речи. Парадоксальным образом большинство исследований по антропонимии оказываются антиподами этого подхода: вместо того, чтобы изучать, как общества классифицируют индивидов с помощью имен, которыми они их наделяют, исследователи стремятся дать классификацию имен, беря за основу критерии (формальные или семантические), внешние по отношению к рассматриваемым культурам; вместо того, чтобы изучать антропонимическую систему в целом, они слишком часто

³ Отметим прежде всего замечательную статью Р. Ле Сольнье де Сен-Жуана [Le Saulnier de Saint-Jouan, 1950–1952], опубликованную в «Revue Internationale d'Onomastique» и посвященную фамилиям Беарна [область на юге Франции. — *Прим. пер.*].

ограничивают себя фрагментарным анализом одного из типов именования (личное имя, фамилия или прозвище); что до работ по исторической или географической ономастике, то они в большинстве случаев концентрируются на изменениях и вариациях, скрывающих от исследователя логику системных отношений; наконец, социальные нормы, управляющие употреблением имен собственных, совершенно не рассматриваются в «традиционной» антропонимической литературе. Забыв о своей непосредственной задаче — выявлении структур и функций антропонимических систем, антропонимика стала для многих лишь инструментом, вспомогательной дисциплиной, которую одни используют в решении проблем исторической демографии (антропонимическая стратификация), другие — для определения границ культурных зон (антропонимические ареалы), третьи — при изучении феномена моды и степени влияния религии (выбор личного имени). В большинстве подобных исследований имена собственные рассматриваются как знаки, отсылающие к реальности (исторической, социальной...), но не обозначающие ее.

В последние годы вспомогательная роль антропонимики особенно ярко проявилась в трех научных дисциплинах. Это историческая демография, изучающая процессы расселения [*Annales de démographie historique*, 1972]; физическая антропология, которая, «то, опираясь на региональные традиции передачи имен, реконструирует генеалогические связи нескольких линий прямых потомков и высчитывает коэффициент их родства, то, полагая, что имена наследуются, словно гены, измеряет в этих географически изолированных сообществах, насчитывающих сравнительно небольшое количество имен, принадлежащих относительно большому количеству индивидов, степень кровного родства, беря за основу количество браков, заключенных между носителями одного имени» [Zonabend, 1980, 8]; история ментальностей, которая рассматривает изменения в антропонимических предпочтениях как основной показатель значения того или иного святого покровителя в ту или иную эпоху [см. среди прочего: Vovelle, 1978, 175, 182]. Впрочем, антропонимика пребывает в том же положении, что и сами имена: их правильное использование должно подчиняться определенному набору правил и предосторожностей. Слабость некоторых из упомянутых выше работ заключается в недостаточном внимании к функциям, каковыми наделены имена собственные. Так, изучая эволюцию личных имен в Провансе в XVIII в., Вовель справедливо замечает, что стоит задуматься над тем, насколько выбор личного имени является показателем реальных предпочтений, свободного выбора, а не традиций или обязывающих семейных обычаев, оставляющих крайне мало места личной инициативе индивида [Там же, 175]. Нам, например, известно [см.: Venoît, 1975; Bromberger, Porcell, 1976; Canesterier, 1951], что в большинстве южных (и не только, см. ниже) культур старший сын наследует личное имя своего дедушки по отцовской линии, а младший сын — имя дедушки по материнской линии;

для девочек выбор происходит по противоположному принципу: старшая получает имя своей бабушки по материнской линии, а младшая — имя бабушки по отцовской линии. Значит, чтобы понять влияние, которое оказывает почитание того или иного святого на выбор имени, следовало бы разграничивать требования системы (очень строгие по отношению к первым и вторым детям) и случаи, когда выбор имени может действительно зависеть от личных пожеланий родителей (третий и последующие дети). Таким образом, вместо обобщающей статистики по личным именам, наподобие той, что использует Вовель, следовало бы построить дифференцированную статистику, которая бы учитывала различия в именах собственных в зависимости от очередности рождения. В этом случае анализ был бы существенно более убедительным, он бы позволил показать либо тот факт, что поклонение святым проявляет себя только там, где это допускается системой (выбор имен для третьего и последующих детей), либо, что оно нарушает традиционные правила (путем наделения именем почитаемого святого старшего или второго ребенка). Если второй вариант нашел бы подтверждение, он стал бы дополнительным показателем значимости такого почитания. Итак, мы видим, что имена собственные не могут адекватно анализироваться в качестве подобного рода показателей, если мы прежде точно не установим функции, каковые выполняет имя собственное в изучаемой культуре.

2. Функции антропонимов

В отличие от филологов и историков, лингвисты и логики постарались определить функции имен собственных. Их вклад исследуется и обсуждается в других работах этого сборника. Ограничимся лишь тем, что укажем на проблемы, которые их достижения ставят перед антропологией. Для многих имя выступает лишь в своей действительской функции — функции указания и идентификации индивида. Бенвенист выражает эту точку зрения, когда предлагает такое определение: «То, что обычно именуется именем собственным, есть такой условный показатель социальной идентификации, который позволяет указывать, постоянно и однозначным образом, на конкретного индивида» [Benveniste, 1976, 200]. Если бы индивидуальные номинации в качестве единственной своей функции имели идентификацию (наподобие уникальных чисел, каждое из которых присваивалось бы конкретному человеку), антропонимические системы, засвидетельствованные в разных культурах, оказались бы совершенно нефункциональны. На деле же, изучая антропонимическую систему какого-либо сообщества, поражает ограниченность набора используемых в нем индивидуальных именованных: немногочисленность патронимов на уровне отдельной деревни или региона, однотипность личных имен в пределах одного линиджа или определенного возрастного среза, т. е. там, где критерии различимости в действительности дол-

жны бы быть более существенными⁴. Конечно, можно утверждать, что в большом количестве культур индивидуальное прозвище играет роль «предохранительного клапана» (*souape de sûreté*), позволяющего осуществлять однозначную идентификацию и избегать путаницы, связанной с идентичностью имен и фамилий; но этот аргумент срабатывает лишь частично: во-первых, прозвища все же выполняют прежде всего функцию социальной интеграции, а не идентификации (мы вернемся к этому вопросу чуть позже); во-вторых, они явно несовершенны с точки зрения различения индивидов (ибо многие индивиды не имеют прозвищ); наконец, использование прозвищ главным образом указывает, если хотите, на различительную слабость антропонимической системы, рассматриваемой как единое целое.

Кроме того, если бы антропонимы в качестве единственной своей функции должны были «указывать, постоянно и однозначным образом, на конкретного индивида», было бы непонятно, почему многие культуры терпят, а другие и вовсе институционализируют практику, в соответствии с которой каждый индивид на разных этапах жизни получает разные имена, ведь это еще больше усложняет процесс идентификации. Как видно, эмпирические аргументы оспаривают те определения, в которых имя собственное выступает в качестве простого «указателя».

Таким образом, размышления о функциях имен собственных должны начаться с признания следующего парадокса: почему антропонимические системы, призванные, на первый взгляд, обеспечивать индивидуальную идентификацию, остаются дистинктивно слабыми? Ряд примеров из далеких и близких культур позволит нам осмыслить этот парадокс и лучше понять смысл дискуссии.

⁴ Все исследователи, изучавшие личные имена старой Франции, указывают на различительную слабость «традиционных» антропонимических систем. А. Коллон замечает, что «в 1760 г. на 128 семей <деревушки> Сент-Андре (Верхний Прованс) приходилось 29 фамилий. Причем на две трети из всех семей <...> носили одну из пяти <наиболее распространенных> фамилий» [Collomp, 1980, 46]. «Личные имена, — добавляет исследователь, — остаются теми же, независимо от сообщества или рода <...>; две трети всех мужчин носили одно из четырех наиболее распространенных имен» [Там же, 50]. Эти и другие данные подтверждают вывод А. Бюргера о характере распределения имен в старой Франции: «Между XIII и XVIII вв. всякий корпус личных имен <...> обнаруживает сходное распределение: <...> небольшое количество наиболее популярных имен носят более половины жителей» [Burguière, 1980, 28]. В сельской местности эта ситуация оставалась неизменной до самого недавнего прошлого; доля частичных или полных омонимов и сейчас продолжает оставаться сравнительно высокой. В одной из южных коммун земли Бигуден (область в Бретани. — *Прим. пер.*) «омонимия, — по замечанию М. Сегалена, — остается характерной чертой. В 1856 г. главы 24 % семей носили одну из трех фамилий; в 1876 г. на 44 % семей приходилось пять фамилий, а в 1875 — три фамилии на 22 % семей. Набор имен жителей старше сорока лет крайне ограничен, часты случаи полной омонимии» [Segalen, 1980, 64]. Количественные данные по Испании см. в: [Pitt-Rivers, 1971, 163].

Так, у гидаров в северном Камеруне каждый человек получает «в течение своей жизни два имени: сначала при рождении — имя, указывающее на порядок рождения; затем, три или четыре месяца спустя, — более индивидуальное имя» [Collard, 1973, 45]. Первые имена идентичны у всех гидаров того же ранга: все старшие сыновья именуются *Tizi*, старшие дочери — *Keza*; половые различия существуют лишь при назывании четырех первых детей, пятый ребенок, независимо от того, мальчик это или девочка, носит имя *Madi*, шестой — *Today* и т. д. Эти порядковые имена «являются, если хотите, номерами», показывающими старшинство каждого человека. Можно было бы подумать, что индивидуальное прозвище, в отличие от первого имени, уникально, так как это позволило бы различать индивидов, но это не так: «Обычно это имя отца, которое в большинстве случаев также является именем-номером. Таким образом, имена большинства гидаров состоят из двух порядковых имен: их собственного и порядкового имени отца» [Там же, 48]. Мы без труда согласимся с тем, что такая система позволяет осуществлять однозначную идентификацию (путем использования порядкового имени внутри семьи и двусоставного имени внутри группы), но это не единственная ее функция: такая система классифицирует индивидов по занимаемым им позициям в генеалогии, омонимы же указывают на идентичность статуса человека при рождении.

В этом примере обратим внимание на два факта. Во-первых, семантические свойства индивидуальных имен те же, что и других именных классов; имя *Tizi* можно разложить, используя компонентный анализ, на семантические элементы: ‘ребенок’ + ‘мужского пола’ + ‘старший у своей матери (но не обязательно отца)’ — точно так же, как можно выделить семы у сущ. *лошадь*, *человек* или *черепаха*. Здесь имя собственное далеко от того, чтобы быть простым действительным знаком. Во-вторых, можно заметить, что такая система управляется двумя антагонистическими функциями: функцией классификации, наделяющей тем же именем всякого, имеющего тот же ранг при рождении, и функцией идентификации, возможной (пусть она и не всегда надежна) благодаря комбинации единиц ограниченного набора. Здесь проявляется общая черта многих антропонимических систем: чем лучше они классифицируют, тем хуже идентифицируют; или, если говорить языком логиков, социальное расширение экстенционала имени обратно пропорционально его способности к индивидуальной идентификации и возможности его однозначного понимания. Другими словами, различительная слабость антропонимической системы является обратной стороной ее классификационной силы.

Вот другой пример. Традиционно в Европе мальчики получают имя своего крестного отца, а девочки — имя крестной матери [Bromberger, Porcell, 1976; Zonabend, 1977; 1978; 1979; 1980]; при этом до недавнего времени право духовного родительства чаще всего принадлежало бабушкам и дедушкам [об этом см.:

Zonabend, 1978]⁵. Как мы уже отмечали ранее, старший сын получал имя своего деда по отцовской линии (ДО), младший — деда по материнской линии (ДМ); старшая из дочерей брала имя матери своей матери (БМ), а младшая — имя матери отца (БО). Таким образом, при наделении именем использовалось два критерия: старшинство и пол, старший сын получал имя по отцовской линии, старшая дочь — по материнской, для младших детей использовался противоположный принцип. Таким образом, можно видеть результат применения такой системы: некоторые двоюродные братья носили одно и то же имя, одни — потому что они были старшими внуками по мужской линии, другие — потому что были младшими внуками по женской линии. Подсистемы личных имен позволяли внутри одного линиджа классифицировать индивидов по полу и положению в генеалогии (все омонимы принадлежали либо представителям одного поколения, либо представителям чередующихся поколений), а также по характеру связи с бабушками и дедушками и порядку рождения (в рамках одного поколения старшие по отцовской линии и младшие по материнской линии получали одно и то же личное имя — имя деда, для одних это ДО, для других — ДМ). Классификационная сила антропонимических систем, засвидетельствованных в европейских культурах, не ограничивается лишь этими условными принципами выбора имени.

Рассмотрим совокупность имен, использовавшихся в одной из коммун в Эро (департамент на юге Франции. — *Прим. пер.*)⁶: личное (мы его только что рассмотрели) присваивается по строгим правилам; кроме того, у каждого индивида имеется патроним, который передается, как указывает внутренняя форма этого термина, по отцовской линии; этот патроним используется как генеалогический классификатор — он, во-первых, указывает на родственные отношения между

⁵ В некоторых европейских и средиземноморских культурах, встречаются более сложные варианты этой общей схемы: атрибуция имени и духовное родительство не связаны между собой. Так, на Корсике ребенок получает имя бабушки или дедушки, но последние редко являются его крестным отцом или крестной матерью. Подобным же образом дело обстояло во Флоренции в эпоху Возрождения, где «если и существовали <...> правила, связывающие выбор имени с родством, они точно не были связаны с посредничеством духовных родителей» [Klarisch-Zuber, 1980, 81]. Между этими крайними моделями — совпадением или несовпадением духовных родителей и «доноров» имени — встречаются компромиссные схемы, о которых упоминает Бюргьер [Burguière, 1980, 31] в своем анализе личных имен во Франции XVI–XVIII вв.: «Чтобы указать на родство, которое устанавливалось между ребенком и крестным отцом, традиция позволяла крестному отцу дать ребенку свое имя. Чтобы реализовать это право, не препятствуя свободной «циркуляции» имен внутри родственной группы, крестный отец нередко выбирался в зависимости от имени, которое должно было достаться ребенку, точнее говоря, в качестве крестного отца родители выбирали родственника, носившего то имя, которым они хотели окрестить ребенка». В большом количестве случаев сложно установить, выбор ли крестного отца приводил к наречению ребенка тем или иным именем или наоборот.

⁶ Дополнительные сведения и формализованное представление антропонимической системы в этой коммуне см. в: [Bromberger, 1976].

всеми, носящими одну и ту же фамилию, во-вторых, подтверждает превосходство мужской линии филиации. В 1870 г. в этой коммуне насчитывалось 37 семей, носивших фамилию G., 36 семей с фамилией V., 28 — D., 19 — P., 18 — T., 18 — I., 17 — Vi. и т. д. Другими словами, набор патронимов был крайне ограниченным; разумеется, однозначную идентификацию индивида не могла обеспечить ни фамилия, ни даже сочетание фамилии с личным именем. Широко использовался еще один тип именования — патронимический деминутив, образованный от патронима путем прибавления уменьшительного суффикса. Так, для патронима *Bigot* деминутив был *Bigotou* для мальчиков и *Bigotoune* для девочек; деминутив выполнял как классифицирующую, так и различительную функцию: такие фамилии носили только старшие дети старших детей, они указывали, помимо очередности рождения, на положение в линии родства. В отличие от личных имен передача патронимических деминутивов непрерывна, во всяком случае, у мальчиков: патроним *Bigotou* носит старший сын *Bigotou*, каковой также является старшим сыном старшего сына; патроним *Bigotoune* носит старшая дочь *Bigotou*, но она не передает его своей старшей дочери; передача таких патронимических деминутивов осуществляется только по мужской линии.

Но еще до этих способов номинации, которые также больше классифицируют, нежели идентифицируют, для различения индивидов обычно прибегают к использованию прозвищ или деминутивов от личных имен; однако ношение таких, на сей раз уже собственно индивидуальных имен, не является общепринятым, а наделение прозвищем зависит от социальной и профессиональной группы. Анализ показывает, что в рассматриваемой местности, расположенной на берегу озера То (провинция Лангедок-Руссийон, департамент Эро. — *Прим. пер.*), «люди озера» (те, кто занимаются рыбной ловлей и разведением устриц) часто имеют прозвище, а «люди виноградников» (те, кто занимаются сельским хозяйством, в частности виноделием), напротив, редко обладают прозвищем; что до вновь прибывших, переходящих из разряда «чужаков» в разряд «местных», то они никогда не получают прозвищ.

Если мы пойдем дальше в нашем анализе, то заметим, что индивидуальными прозвищами обладают, как правило, только мужчины, а их употребление подчинено определенным правилам: их не употребляют ни в присутствии чужака, ни за пределами коммуны⁷. Здесь идентифицирующее имя все еще функционирует как классифицирующее: оно отражает профессиональный статус, автохтонность, происхождение. Одним словом, совокупность этих наименований функ-

⁷ В европейских деревнях использование прозвища возможно только внутри семьи или местной общины. При этом если фамилии используются в официально-деловых отношениях, то «прозвища, маркеры социальной включенности в жизнь сообщества, составляют внутренний код, недоступный для чужаков, но моментально распознаваемый членами группы, которая таким образом созидает свою собственную историю» [Segalen, 1980, 72].

ционирует как код, каждый элемент которого (личное имя, патроним, патронимический деминутив, прозвище) указывает на принадлежность субъекта «предзаданному классу» (*classe préordonnée*) [Lévi-Strauss, 1962b, 240]: пол, очередность появления на свет, статус при рождении, социально-профессиональная группа. Заметим, что разные элементы кода не только приписывают определенные позиции и называемым индивидам, но также выражают отношения между разными индивидами (люди с одинаковыми именами принадлежат чередующимся поколениям (дед, внук) или одному поколению (двоюродные братья); омонимичные патронимические деминутивы указывают на то, что они принадлежат разным поколениям внутри одной ветви филиации: дед → отец → сын и т. д.). Если бы нам пришлось сравнивать такие системы с другими классифицирующими системами, мы бы охотно согласились с К. Леви-Строссом, что они принадлежат растительным или животным таксономиям. «Индивид» определяется здесь как «вид», занимающий определенное место в системе, обладающей «несколькими измерениями» [Там же, 248].

Классификация животных и растений заключается не только в том, чтобы определить для каждого вида определенную позицию в таксономии в зависимости от их постоянных отличительных свойств, по которым они могут быть узнаны. Научная мысль, подобно мысли «неприрученной», также подразделяет животных и растения в зависимости от фаз их роста; например, гвинейские кисси обозначают словом *dixi* разновидность риса, которую ботаники называют *Oryza sativa* L. *O. indica* (Kato) Gutschin, они используют это именование независимо от стадии созревания растения; параллельно с этим у них есть богатый набор слов и словосочетаний для обозначения разных этапов созревания: *sanō* означает ‘смачивание семян’, *malo tolio* ‘пересаженный рис’, *malo wil* ‘всходящий рис’, *malō fura* ‘прорастающий рис’, *malo dēdu* ‘цветущий рис’, *malo diw* ‘созревший рис’ [Portères, 1966, 24]. Подобно животным и растительным таксономиям, многие антропонимические системы организованы в двух измерениях: через несколько дней или месяцев человек получает одно или несколько постоянных имен (которые отражают его статус при рождении, степень старшинства и пр.), а затем, в течение жизни, получает и другие имена, каждое из которых отражает смену его статуса.

У суданских нуэров ребенок после рождения получает два имени: одно дается «в соответствии с окончательным решением отца», другое — родителями матери [Evans-Pritchard, 1971, 185–187]; кроме того, он наследует «*cot paak*, имя собственное, характерное для его клана, и почетный титул» [Там же]. Наряду с этими постоянными именами он с течением времени получает другие имена, знаменующие основные этапы жизни: «имя быка» в момент инициации, имя своего отца или своей матери (которому предшествует слово «сын (такого-то / такой-то)»), когда он становится слишком взрослым, чтобы называть его «именем быка», но остается еще слишком молодым, чтобы его называли «текнонимом» («отец (такого-то)»).

Таким образом, бóльшая часть антропонимических систем регулируется двумя разнонаправленными тенденциями: указывать на постоянное положение человека, а также отражать происходящие в его «биографии» смены статуса [Zonabend, 1980, 15].

Что же подтверждают все эти примеры? Во-первых, что большинство антропонимических систем рассматривают «индивидуализацию как классификацию» [Lévi-Strauss, 1962b, 261]. Во-вторых, что используемые в обществе имена собственные образуют систему единиц, сравнительно небольшой набор знаков, ни один из которых не имеет уникального означаемого, при этом один и тот же человек может обозначаться сразу несколькими такими знаками. В-третьих, что, как мы уже говорили, различительная слабость таких систем есть всего лишь обратная сторона их классификационной силы. Наконец, что эти системы классифицируют индивидов в зависимости от критериев, различающихся в разных культурах, при этом мы не можем сказать (нам еще предстоит вернуться к этому вопросу), что приемы классификации так же разнообразны, как использующие их культуры и общества.

Должны ли мы, основываясь на этих примерах, заключить, что «имя собственное всегда оказывается на стороне классификации» [Там же, 285]? На первый взгляд примеры из современных культур опровергают это обобщающее утверждение. Скажем, выбор имени ребенка, кажется, больше зависит от намерений родителей и родственников, нежели подчиняется строгим социальным правилам. Фонд имен настолько разнообразен и изменчив, что приходится периодически обновлять литургический календарь, чтобы зафиксировать инновации, коль скоро мы не способны остановить эти изменения. Впрочем, такая лабильность свойственна отнюдь не только современным номенклатурам антропонимов.

В своем исследовании, посвященном антропонимии проживающей в Верхней Вольте (старое название Буркина-Фасо. — *Прим. пер.*) народности моси, М. Уи замечает, что использование одного и того же *yure* (личного имени) двумя разными людьми возможно там только по случайности [Houis, 1963, 9]. Та же ситуация у индейцев яномами в Южной Америке. Ж. Лизо пишет, что «некоторые имена собственные являются полностью вымышленными» и что «обычно они избегают давать уже данное однажды кому-то имя» [Lizot, 1973, 62–63]. В этих двух случаях антропонимы образуют открытую систему и не отличаются от других именных классов. «Личные имена не образуют... отдельную языковую категорию, во всяком случае, формально. Категории “имени собственного”, противопоставляемой “имени нарицательному”, в море (языке народности моси. — *Прим. пер.*) не существует» [Houis, 1963, 7]. «Весь лексический фонд может использоваться для образования личных имен. Любой корень может стать частью имени собственного» [Lizot, 1973, 61]. Значит ли это, что существует две формулы имянаречения: одна — жесткая, приписывающая человеку одно или несколько имен в зависимости от предустановленного кода, другая — более

гибкая, даже асистемная, где выбор имени осуществляется в зависимости от ситуационных обстоятельств или личных предпочтений? С одной стороны, «имена собственные», как кажется, образуют «бахрому общей системы классификации. <...> Когда они выходят на сцену, поднимается занавес последнего логического представления» [Lévi-Strauss, 1962b, 285]. С другой стороны, ни одна механическая модель не позволяет понять их распределение в социальной группе: в этом случае наделение именем оказывается «свободным творческим актом номинатора, переходным состоянием его собственной субъективности» [Там же, 240] или субъективности других людей: «Сколько матерей, — пишет Лизо, — когда я находился в наиболее отдаленных группах, просили меня, поднимая на руках своих детей: “Дай ему имя!”» [Lizot, 1973, 61].

Противопоставление этих двух формул, каким бы правдоподобным оно ни казалось, на поверку оказывается куда менее строгим. Для начала скажем, что этой кажущейся анархии подвластны лишь личные имена и прозвища. Родовые, клановые, текномические и прочие имена во всех приведенных выше примерах остаются жесткими классификационными маркерами. Заметим также, что эта анархия управляется некоторыми правилами, хотя они и не признаются в качестве норм. Я выбрал для своих детей имена *Себастьян*, *Стефан*, *Карин* и *Катя*; сделав это, я указал на их принадлежность более молодому поколению, так как их имена отличаются от имен их родителей (типа *Даниель*, *Жерар*, *Мартин*, *Клодин*...), бабушек и дедушек (*Пьер*, *Поль*, *Генриетта*... — имена, популярные в 1920-30-е гг.), прабабушек и прадедушек (имена, типичные для родившихся в начале века: *Огюст*, *Роже*, *Мари*...) [см.: Léon, 1976, 221]⁸. Имя функционирует здесь как маркер возраста и принадлежности поколению; в большом количестве случаев оно указывает также на пол своего носителя [о яномами см.: Lizot, 1973, 62]. «Свободное» творчество само по себе также становится инструментом классифицирования, парадигматизации: так, если у моси первый ребенок получает имя «курица» (*noga*), то все его братья и сестры будут именоваться «синтагмами, содержащими отсылку к тому же денотату» [Houis, 1963, 31], например, *naraogo* букв. «самец курицы» или *napoko* «самка курицы» для второго ребенка, *nobilla* «малыш курицы» для третьего и т. д. Здесь имя функционирует как классификатор братских отношений. Подобное использование имени, среди прочих стран, распространено в Иране, где повторяющееся окончание личного имени указывает на тот же тип связи (так, братья и сестры могут зваться *Хамид*, *Яхид*, *Сахид*, *Нахид* и т. д.). Наконец, вслед за К. Леви-Строссом мы должны заметить, что атрибуция имени за пределами доминирующих конвенций и принципов

⁸ Произвольная смена личного имени в наше время чаще всего оказывается попыткой обновления износившегося со временем имени, которое должно соответствовать моде нового поколения (тех, кто дает имена). Когда *Жанин* в середине 1920-х гг. изгоняет довоенную *Мари*, некоторые Мари, достигшие уже подросткового возраста, берут имя *Жанин*.

остается способом классификации. Если я называю своих детей *Шарль*, *Мари* и *Огюст* в период популярности имен типа *Ян* или *Катя*, то это значит, что я отношу с е б я к традиционалистам, противостоящим современной моде и вкусам⁹.

Две вышеозначенные формулы в действительности оказались двумя вариантами одного и того же классификационного принципа, неявного, вездесущего, навязывающего свою власть даже там, где мы стараемся преодолеть его. «Похоже, — пишет К. Леви-Стросс, — единственный выбор, который у нас есть, это выбор между тем, чтобы идентифицировать другого, поместив его в определенный класс, или, путем наделения другого именем, идентифицировать самих себя. Следовательно, именование всегда есть классификация: мы либо классифицируем другого, если имя, которое мы ему даем, выбирается в зависимости от его качеств, либо классифицируем себя, если, полагая, что над нами не довлеют никакие правила, именуем его “свободно”, т. е. в зависимости от наших собственных качеств. Однако чаще всего мы одновременно делаем и то, и другое» [Lévi-Strauss, 1962b, 240].

Но, разумеется, оба этих процесса имеют разный смысл и преследуют разные цели; с одной стороны, я подчиняюсь неизменным нормам, с другой — за даваемым именем я скрываю свой собственный личный опыт, свои предубеждения, свою идеологию; я охотно наделяю это имя властью, я между строк прочитываю в нем целую судьбу. Помимо своей классифицирующей функции имя функционирует здесь как символ, в котором отражается определенный набор верований и убеждений.

Таким образом, речь идет не о том, что в имени классификация берет верх над индивидуализацией, но что символ берет верх над знаком¹⁰. В наших обществах различные сочинения (специализированные словари, религиозные или светские журналы) уже содержат набор качеств, которые могут быть приписаны разным именам, они кодифицируют накапливающуюся метафизику имени. В традиционных обществах личное имя, по своей форме и своему содержанию, оказывается посланием неведомых божественных сил, выражающим лишь одну единственную интенцию — «обеспечить жизнь и защитить от смерти» [Houis, 1963, 22]. В этом смысле использование имени связано с определенными ритуалами, подтверждающими значимость, которая ему приписывается.

Итак, антропоним может иметь двойственный статус: он выступает и как классифицирующий маркер, указывающий на ту или иную позицию индивида в социальной структуре, и в то же время — как символ, отражающий определенное видение мира, организованную систему верований и представлений. Эти две функции — присутствуют ли они в имени в равной или неравной степени, притом что их

⁹ Ср. анализ К. Леви-Стросса в: [Lévi-Strauss, 1962b, 240–242].

¹⁰ Имя, передаваемое по правилам, может быть сразу и знаком, и символом, одновременно указывая на положение в социальной системе и выражая определенные верования.

взаимная значимость варьирует не только в зависимости от конкретной культуры, но также и от типа имени внутри отдельной антропонимической системы, — каждая заслуживают отдельного обсуждения.

3. Антропонимическая система как социальный код: цели и стратегии

На вопрос: «Зачем давать имена?»¹¹ — мы дали общий ответ: «Чтобы классифицировать». Но это лишь первый шаг. Остается понять, как и ориентируясь на какие критерии, мы классифицируем индивидов, наделяя их одним или несколькими именами. Приведенные выше примеры показывают многообразие классификационных принципов, лежащих в основе различных антропонимических систем: пол, порядок рождения, статус при рождении, тип филиации — таковы критерии (часто комбинируемые), каждый из которых определяет выбор одного из имен, присваиваемых индивиду. Но каков статус самих этих критериев? Являются ли они чистыми условностями, или же они подобны тем критериям, которые структурируют само социальное пространство (*champ social*)¹²? Идентичны ли эти классификационные принципы в разных культурах и различаются ли в культурах со схожей организацией антропонимической системы? Эти вопросы касаются не только социологической значимости этих классификационных систем, но и эвристической ценности антропонимии для социальной антропологии.

3.1. Имя как санкция на существование

Имянаречение есть прежде всего акт социализации; оно часто сопровождается какой-либо церемонией или, в зависимости от культуры, набором ритуалов, которые подтверждают включение индивида в социальную группу. Пока ребенку не дали имя, его статус не определен. По поводу яномами Лизо замечает: «Ребенку присваивается имя в возрасте от одного до трех лет; именно тогда он становится полноправным членом общества. Иметь имя — значит обладать социальным существованием» [Lizot, 1973, 64]. Для уэгонов (гере) на западе Кот-д'Ивуар «всякий новорожденный, независимо от возраста, является *лебаем* (т. е. чужаком)» [Tiérou, 1977, 17]. В европейских культурах наделение фамилией подтверждает социальное существование, а личным именем (при крещении) — духовную преемственность и включенность в христианское сообщество. О детях, не получивших крещения, Питт-Риверс говорит, что «к ним относились как к “маврам”, животным или, во всяком случае, почти как к недочеловекам» [Pitt-Rivers, 1976, 319].

¹¹ Таково название исследования Ф. Зонабенд [Zonabend, 1977].

¹² *Champ social* (букв. «социальное поле») — понятие структурной социологии, наиболее полно разработанное Пьером Бурдьё. — *Прим. пер.*

Будучи формой общественного признания, имянаречение, по выражению Ван Геннепа, является ритуалом интеграции (*rite d'agrégation*). Но в то же время это и ритуал социальной дифференциации: есть сущности, имеющие «право» на имя, и сущности, этого «права» не имеющие; в повседневной жизни имена одних людей нам известны, других — нет.

Кто получает собственное имя? Не только люди. Ими также нарекают животных, различные объекты, места и т. д. В Европе существует традиция давать имена — или подобия имен — животным, домам, колоколам, судам, самолетам или поездам, а раньше также и оружию. Каждому типу сущностей соответствует свой набор имен: кошка по кличке *Полкан* или собака по кличке *Барсик* не могут не вызвать улыбку. Дать имя животному — это одновременно и классифицировать его среди тех животных, которым дается имя, и выделить среди тех, кто имени не имеет. Обладают ли сущности, наделяемые личным именем, общими чертами? Таковой чертой является не «антропоморфность» (приписываемая им смеха ради или в результате обожествления), но признание их социального и/или особого символического статуса, которое делает их более индивидуальными по сравнению с другими сущностями. Среди животных имя получают обычно лишь те, с которыми человек работает или живет под одной крышей (кошки, собаки, коровы, лошади, ослы...), причем выбираемые имена часто указывают на характер отношений между животным и его хозяином. В коммуне С. (департамент Верхние Альпы) ненавидят коров, разведение которых пришло на смену разведению кобыл и мулов, более трудоемкому, но и более доходному. «Коровы — противные, грязные и медленные; нет более глупого животного, чем корова». По этой причине коровам присваиваются не имена, а числа (в соответствии с предписаниями ветеринарных служб, в зависимости от года рождения). В отличие от них, кобылы получают человеческие имена *Марго*, *Фанни*, *Розали*... что символизирует их привилегированное положение.

Что до предметов, то обычно имена присваиваются лишь тем из них, что проходят освящение, т. е. ритуал интеграции. Известно, что завершение строительства дома, переезд семьи в новое жилище, освящение приходских колоколов, спуск на воду корабля... сопровождаются обрядами, напоминающими крещение: ветка на крыше дома по завершении работ¹³, масло в новом жилище¹⁴, крестные отцы и матери у колоколов и кораблей¹⁵ и т. д. Имянаречение выполняет здесь две функции: оно выделяет объекты с особым статусом в ряду безымянных

¹³ Традиция многих народов, в частности восточных и западных славян. — *Прим. пер.*

¹⁴ Речь, видимо, идет о еврейской традиции «ханука́т байт», сопровождающей переезд и вселение в новый дом: в первый день принято приносить в дом святыне книги, соль, хлеб, а также масло в память о храмовом масле, символе хануки. — *Прим. пер.*

¹⁵ Во Франции человек, спускающий на воду новый корабль и провозглашающий его имя или участвующий в церемонии освящения и наречения колокола, именуется его «крестным отцом» (*parrain*) или «крестной матерью» (*marraine*). — *Прим. пер.*

объектов (индивидуальное имя дома является отличительным признаком особого строения: родового гнезда, буржуазного особняка, выстроенного посреди деревни; квартира или типичное жилье обычно не получают собственного имени¹⁶) и наделяет объект символическим статусом: нареченный и окрещенный, он становится знаком некой социальной общности, каковая, в свою очередь, обычно также имеет имя (семью символизирует дом, церковный приход или комму — соборные колокола, нацию — теплоход «Франс»¹⁷ и т. д.).

Если некоторые предметы и животные обычно наделяются именем, то, в противоположность им, некоторые люди в повседневной речевой практике оказываются лишены его, полностью или (чаще) частично. Маргиналы, люди, не имеющие постоянного статуса, рядовые работники — «мы часто не знаем, откуда они родом и какова их фамилия: к ним обращаются, используя прозвище или личное имя <...> Когда речь заходит о таких людях, говорят: “У них и имени-то не было...”» [Zonabend, 1977, 261]. Знать полные личные данные человека — значит включить его — прямо или косвенно — в систему социальных отношений: человек без имени или с неполным именем — это незнакомец или, во всяком случае, мало знакомый человек. Подтвердить свою принадлежность к какому-либо сообществу — значит носить одно из используемых им имен, часть из которых, впрочем, скрыты от «чужаков» [см.: Там же, 269]. Граница группы проходит там, где начинают стираться социальные ориентиры, каковыми являются имена собственные: «Там мы никого не знаем!» — т. е. не можем называть людей по именам.

Область знакомых имен накладывается на систему социальных отношений — так проявляется граница, отделяющая «своих» от «чужих».

3.2. Как имена классифицируют?

В рамках данной статьи невозможно осветить все разнообразие засвидетельствованных в различных культурах способов классификации индивидов через их именование. Мы располагаем лишь очень ограниченными сведениями, а «Универсальная сравнительная антропонимия» Э. Вроонена [Vroonen, 1967] содержит слишком много неточностей, чтобы мы могли использовать ее данные. Чаще всего одно или несколько имен классифицируют индивидов по характеру филиации: так, в римской системе гентилиций, а чуть позже родовой когномен позволяли различать ветви в рамках одного *gens* (рода) [Nicolet, 1977; Kajanto, 1977]. Проанализировав большой объем африканских, австралийских и индейских примеров, К. Леви-Стросс констатирует следующее: «Почти во всех исследованных

¹⁶ Среди прочего см.: [Bromberger, 1980].

¹⁷ «Франс» (*Le France*) — название теплохода, спущенного на воду 11 мая 1960 г. в присутствии президента де Голля (его речь завершилась словами: «Vive le France, vive la France!» «Да здравствует Франс, да здравствует Франция!»). — *Прим. пер.*

нами обществах имя собственное образуется от кланового имени» [Lévi-Strauss, 1962b, 228]. Правила наследования имени соответствуют общим принципам системы родства (патрилинейная, матрилинейная, билинейная...). Система передачи личных имен и патронимических деминутивов, о которой мы говорили выше, соответствует типу филиации, распространенному в южных культурах (билатеральная с патрилинейной доминантой). В этих же культурах коллективное прозвище подтверждает непрерывность потомственной линии; в этом случае оно функционирует как ориентир, указывающий на границу между разрешенным и запрещенным браком: «В Бей (коммуна в Провансе. — Прим. пер.) на 500 брачных союзов... приходится один случай брака между женщиной и женщиной, носящими одно и то же прозвище» [Liautard, 1981, 7]. Другие антропонимические системы ориентированы не на общих предков, а на общих потомков (текнонимия). Гирц, изучавший этот феномен применительно к Бали, замечает: «Систематическое применение текнонимов служит для выделения возрастных групп внутри каждого... поселения» [Geertz, 1964, 94]. Так выделяются самое большее четыре поколения. Мы также отметили, что многие системы фиксируют степень старшинства, абсолютную или относительную (определяемую по натальному статусу), принадлежность к одной фратрии, к одной возрастной категории и, разумеется, к одному полу. Указанием на пол служат не только специальные морфологические показатели, но также различия в типах именования, используемых для представителей того и другого пола: скажем, римские женщины очень редко имели *praenomen* и никогда не носили родовой *cognomen*.

Но существуют и двусмысленные формы использования имени, которые воспринимаются как нарушения норм и, как правило, связаны с противоречиями в социальной системе. Так происходит в том случае, когда принцип принадлежности к определенной местности или к «дому» берет верх над принципом филиации¹⁸. Сегодня известны случаи, когда водитель хозяина называется по своему имени, за которым следует фамилия его «патрона». Такой способ именования напоминает принцип, которым руководствовались в Риме при наделении личным именем и гентилицием получившего свободу раба: он принимал преномен и гентилиций своего бывшего хозяина, «клиентом» которого он становился¹⁹. Однако это противоречие более сильно проявляет себя в крестьянских обществах, где «дом» является референтным социальным пространством *par excellence*. Прежде всего, отметим, что ставшее фамилией имя собственное изначально чаще

¹⁸ См. об этом фундаментальное исследование К. Леви-Стросса: [Lévi-Strauss, 1979].

¹⁹ В Риме «клиентом» (*cliens*) называли «защищаемое лицо», свободного гражданина (обычно вольноотпущенника или прибывшего в Рим иностранца), который связывал себя с более влиятельным лицом, ставившимся его «патроном». Патрон выступал законным советником клиента, его попечителем и защитником; клиент выплачивал издержки, если его патрон проигрывал суд, нес часть расходов патрона за выполнение государственных обязанностей и т. п. — Прим. пер.

всего являлось «названием территории», обозначавшим возделываемый участок земли. Заметим также, что «зять... брал фамилию своего тестя (или своей жены), если он обустроивался на землях последнего» [Vallet, 1961, 271]. Такая практика в разных формах сохранялась до недавнего прошлого: либо зять брал фамилию тестя, что идет в разрез с доминирующими принципами патрилинейности (мы знаем, что эта малозавидная участь нередко уготовливалась младшим детям, дабы избежать дробления вотчины), либо принцип принадлежности к дому брал верх над принципом филиации, так, в частности, обстоит дело на юго-западе Франции, где «фамилия принадлежала больше дому, нежели семье» [Le Saulnier, 1951, 227]. С конца Средневековья (и, по всей видимости, до недавнего прошлого) антропонимическая система свидетельствовала о конфликте между этими двумя классификационными принципами: «Фамилия ребенка была фамилией его отца, его “имя дома” (*nom de maison*) совпадало с именем дома, в котором жили его родители, независимо от того, достался ему этот дом от отца, матери или кого-либо другого путем покупки или наследования. Если он наследовал дом, то чаще всего он сохранял свое имя дома; в противном случае он брал имя того дома, куда приходил жить <...> Имя дома использовалось в повседневной практике» [Там же, 54–55]. Здесь ясно проявляется эвристический интерес анализа антропонимов для антропологии: в антропонимической системе, рассматриваемой как целое, проявляются противоречия социальной системы, становятся видны стратегические точки, вокруг которых и формируется общество.

Эти же противоречия проявляются в тех случаях, когда в рамках одной культуры сосуществуют различные системы именования. Например, на Бали у людей из народа имя собственное является текнонимом; функции такого типа именования точно сформулированы Гирцем: «Во-первых, оно идентифицирует мужчину и его жену как родителей. Во-вторых — поколенческую или возрастную стратификацию сообщества. Наконец, есть особенность, которую мы обнаруживаем только на Бали: появление четырехэлементной цепочки филиации, отрезка генеалогической ветви, все члены которого носят одно и то же имя» [Geertz, 1964, 104]. Поражает здесь прежде всего незначительная генеалогическая глубина «родственного единства» (*unité de parenté*) (*dadia*): «Ни одна связь, основанная на существовании общего предка, отстоящего от старейшего из живущих членов рода более чем на четыре поколения, по сути, не может быть прослежена» [Там же, 101]. Говоря о подобном использовании текнонимов, Гирц с полным правом называет его «системной генеалогической амнезией» [Там же, 101]. Но каковы задачи этой структурной амнезии? Что должно быть забыто? Гирц показывает, что осознание общей генеалогической принадлежности нарушило бы функционирование общества, разделенного на группы в зависимости от места проживания. При эндогамных браках наличие общего предка с тем же именем привело бы к заключению альянсов «поверх границ местного сообщества», что оказалось бы «по своему воздействию скорее разрушительным, нежели

объединяющим фактором» [Geertz, 1964, 103]. Таким образом, за использованием текнонимов скрывается определенная стратегия: генеалогическая амнезия дает приоритет локальным связям над «транслокальными родственными отношениями» [Там же, 104]. В противоположность этому, балийская аристократия не использует текнонимы; генеалогической амнезии она противопоставляет генеалогическую память: «Их родовые группы обладают значительно более высокой общностью, они больше, устойчивее и опираются на долгие генеалогические традиции, традиции, которые отсутствуют у простолюдинов» [Там же, 94]. Эта генеалогическая традиция вводит в действие и легитимирует выходящую за границы поселения власть аристократии. В конечном счете, различия между системами именования, используемыми народом и аристократией, воспроизводят основное противоречие балийского общества: стабильные группы, основанные на отношениях родства, доминируют над группами, объединяемыми по принципу места жительства.

В подобных случаях наделение именем есть нечто большее, чем простой прием классификации; за ним скрываются стратегии, которые, в свою очередь, структурируют все социальное пространство; но анализ позволяет их обнаружить только при одном условии: он должен рассматривать антропонимическую систему как целое, т. е. принимать во внимание всю совокупность именованных, используемых для обозначения индивидов, а также различия между разными системами именования, используемыми в данном обществе.

Имена собственные могут классифицировать индивидов в зависимости от их происхождения и социального статуса, а также разнообразных формальных признаков. В современных обществах одно лишь звучание имени может указывать — во всяком случае приблизительно — на этническое или региональное происхождение его носителя; всем известно, к каким затруднениям может привести такого рода «спонтанная этнология». Во многих сообществах имя указывает на происхождение (например, прозвище *kunya* в арабской антропонимической системе²⁰ и пр.). Различия в социальном классе или роде занятий выводятся либо из собственного значения имени (как, скажем, у древних кельтов), либо узнаются по формальным маркерам, собственным именам определенной категории людей (например, по частице²¹), либо по количеству и природе имен,

²⁰ Кунья — в арабской традиции тип прозвища, строящегося по модели *Abu* ‘отец’ или *Umm* ‘мать’ + имя сына или дочери (например, *Abu Mohamed* ‘отец Мухамеда’, *Umm Khalid* ‘мать Халида’). Такие прозвища часто используются в повседневном общении и являются своеобразными эвфемизмами табуированного личного имени. В действительности, на происхождение указывает другой тип прозвища, *nisba*. Один и тот же человек может иметь несколько *nisba*, содержащих информацию о его религиозной или этнической принадлежности, месте его рождения (например, *Al-Basri* ‘уроженец Басры’). — *Прим. пер.*

²¹ Имеются в виду частицы, указывающие, например, на благородное происхождение (*de* во французском языке, *von* в немецком и т. п.). — *Прим. пер.*

носимых индивидом (так, в Риме раб имел только личное имя, патриции же добавляли к своему преномену и гентилицию несколько когноменов; в Японии до 1870 г. клановые имена и фамилии носили только представители королевской семьи, знатные особы и некоторые приближенные, остальные же вместо фамилий использовали обычно название профессии), либо посредством особого статуса отдельных имен и фамилий («Ты смотри-ка! Тоже мне Ротшильд нашелся!»).

Отталкиваясь от этих нескольких примеров, мы можем согласиться с Ф. Зонабенд [Zonabend, 1980, 12] в том, что «с помощью антропонимов каждое общество распределяет своих членов по их позициям в социальной иерархии... в этом случае имя выступает как мнемотехнический инструмент, одна из функций которого заключается в определении различных референтных полей данного сообщества: родительского поля, социального поля, символического поля... В некотором смысле, имя помещает индивида в точку пересечения этих силовых полей».

3.3. Высказывание

Закономерности использования имен в речи подтверждают их различительную и классифицирующую функции. В конкретном высказывании имена часто употребляются с другими формами называния (почетными званиями, личными местоимениями и т. п.), которые также обладают классифицирующей функцией (люди, к которым мы обращаемся «на ты» / «на вы»; люди, к которым мы обращаемся по званию или с помощью междометия типа «Эй!»; и т. п.). Социолингвистические исследования убедительно показывают, что природа используемого обращения (по отношению к себе или другому лицу) меняется в зависимости от соотношения социальных статусов говорящих [среди прочего см.: Perret, 1970; Centlivres, 1972; Ervin-Tripp, 1972]. Разнообразие используемых по отношению к индивиду форм обращения соответствует разнообразию относительных статусных позиций, которые он может занимать в данной социальной системе. У взрослых взрослый собеседник использует либо имя, данное при рождении (при обращении к девушке или мужчине своего возраста, живущему в той же деревне, что и его отец), либо второе имя, данное бабушкой и дедушкой по материнской линии (при обращении к человеку, проживающему в деревне его матери), либо клановое имя (отцовское или материнское, в зависимости от места и некоторых особых социальных условий, в частности во время церемоний)... В зависимости от обстоятельств и статуса собеседника он также может использовать «имя быка» (имя, присваиваемое во время инициации), «имя танца» вместе с «именем быка», патроним, матроним или текноним.

Помимо относительных статусных позиций в данной социальной системе, на выбор обращения может влиять особый тип отношений между индивидами или стремление изменить социальную дистанцию. Так, в коммуне Луар-э-Шер,

обследованной М. Леоном [Léon, 1976], как и везде во Франции, дети и подростки обращаются друг к другу по личному имени; это общее правило, однако дружеские или недружеские отношения маркируются особыми обращениями.

Дружба	Нейтральные отношения	Враждебные отношения
Прозвище	Личное имя	Личное имя + фамилия
		<i>le/la</i> + фамилия ²²

В этой общине взрослые придают определенную торжественность заседаниям муниципального совета, обращаясь на них друг к другу по званию и фамилии, при этом в повседневном общении они называют друг друга по имени. При обращении правильный выбор именованья или множество званий перед именем могут соответствовать стремлению повлиять на собеседника. Санливр, изучавший формы обращений в северном Афганистане, отмечает: «Во время торга продавец разговаривает с потенциальным покупателем так, чтобы показать, что его (покупателя) статус выше, тем самым он стремится навязать покупателю более щедрое поведение <...> В общественных отношениях в целом форма обращения зависит от того, чего ты хочешь добиться от собеседника, и от того образа себя, который ты стремишься создать» [Centlivres, 1972, 100].

3.4. Антропонимика — эвристический инструмент социальной антропологии?

Если антропонимика является особым инструментом антропологии, то прежде всего потому, что система имен собственных отражает (обычно, но не всегда) основные тенденции организации общественной жизни. Что отражается в европейской антропонимии? «Филиация» (биологическая, социальная или духовная), «место проживания», «билатеральность», «патрилинейная доминанта» [Zonabend, 1980], принадлежность местному сообществу... — одним словом, силовые линии, вокруг которых организуются сельские общества. Но интерес к антропонимии не исчерпывается этими общими утверждениями социологического характера; за именами скрываются цели, конфликты и стратегии: либо антропонимическая система их регистрирует (как на юго-востоке, где «имя дома» вступает в спор с патронимом), либо свидетельствует о них опосредованно (ср. то, что мы выше говорили о системе текнонимов на Бали), либо, в некоторых случаях, она их скрывает. Так происходит у бороро²³, которых изучал К. Леви-Стросс. У них за видимым разделением общества на две экзогамные половины (с дополнительным

²² В литературном французском языке использование артикля при личном имени стилистически маркировано, чаще всего так выражается пренебрежительное или уничижительное отношение к называемому лицу (например, фр. *la Marie* соответствовало бы рус. *Манька*). — Прим. пер.

²³ Малочисленная индейская народность, проживающая на территории Бразилии и Боливии. — Прим. пер.

дроблением), каждую из которых символизирует имя («тугаре» и «сера»), скрывается куда менее гармоничное разделение на три иерархизированные социальные группы²⁴. Но во всех этих разных случаях антропонимические системы, либо благодаря их прозрачности, либо, напротив, благодаря скрытым в них социальным противоречиям, оказываются привилегированными объектами изучения, когда речь идет о нормах и способах функционирования общества. Это означает, что, помимо собственно антропонимической системы и ее явных функций, необходимо исследовать функционирование этой системы в контексте всей социальной структуры.

В различных по организации обществах обнаруживаются сходные приемы социальной классификации, и, напротив, в похожих обществах антропонимическая классификация может осуществляться разными путями. Это наблюдение должно было привести к тому, что эвристическая ценность антропонимии для социальной антропологии была бы признана гораздо более скромной. И правда, многие совпадения в организации антропонимической системы обусловлены широким распространением некоторых социальных явлений: передача имени дедушки по отцовской линии его старшему внуку, засвидетельствованная в Греции, Франции, а также в Египте, отражает общие принципы отношений между последующими и чередующимися поколениями (дробление рода по поколениям и вместе с тем ориентация на континуальность родовой ветви), аналогично текнонимические именованья, распространенные во многих культурах (Индонезия, арабский Восток и т. д.), обязаны своей распространенностью тому факту, что в этих обществах отцовство (или материнство) придают индивиду особый социальный статус. И наоборот, разные принципы именованья могут выполнять схожую функцию: мог бы показаться удивительным тот факт, что механизмы наделения личным именем на Корсике, в Испании или Провансе различны; между тем, какими бы различными ни были эти механизмы, они ориентированы на соблюдение одних и тех же принципов: баланс между отцовской и материнской ветвями, чередование поколений.

Однако за одними и теми же приемами могут скрываться различные цели. Так, текнонимия используется в рамках разных социальных «стратегий». Благодаря работам Гирца [Geertz, 1964] мы видели, какую роль выполняла эта соци-

²⁴ Бороро делятся на две экзогамные половины, каждая из которых соотносится с одним из двух основных мифологических героев (Бакороро и Итуборо) и, в свою очередь, делится на четыре клана. Это двоичное противопоставление соответствует противопоставлению миру живых и миру мертвых (например, в ритуале похорон), востоку и западу (при организации поселений, четко разделенных на две половины) и т. п. При этом существенным оказывается подразделение двух групп на три класса — высший, средний и нижний: мужчины высшего класса одной половины берут в жены только женщин высшего класса другой половины (то же для двух оставшихся классов). При этом бороро отличаются матрилинейной организацией рода: после бракосочетания мужчина уходит жить на половину жены, а не наоборот. — *Прим. пер.*

альная амнезия на Бали. В противоположность балийцам, у индонезийских пена, исследованных Р. Нидхэмом, текнонимия является простым приемом классификации; она выполняет функцию «фокусирования внимания на родителях, получающих имя своего ребенка, как на супружеской паре, выделяемой в обществе в отдельный класс, отличный от класса людей незрелых, бездетных, пожилых; вместе с тем здесь <тектонимия> не обнаруживает других импликаций, которые мы описали применительно к Бали» [Geertz, 1964, 104]. Таким образом, следуя за мыслью Гирца, можно согласиться с тем, что одна и та же культурная парадигма может выполнять самые разные функции в зависимости от социального и структурного контекста, в который она интегрирована.

Личные имена бабушек и дедушек и имена детей, помимо общих функций, о которых мы говорили выше, решают самые разные задачи, воплощают стратегии и смыслы, отличающиеся в каждом конкретном случае. Во Франции наделение ребенка именем дедушки часто означает близость, возникающую во многих обстоятельствах связь между «внуком и его предком» [Zonabend, 1980, 13]; оно также может означать, «что наследственные черты все время проявляются через поколение и передаются от дедов внукам» [Burguière, 1980, 13]; кроме того, там, где такой принцип передачи имени не является (более) общим правилом, он может выполнять различительную функцию, выделяя в особый социальный класс людей, которые придают значение наследуемым признакам, преемственности и своему символическому наследию. В некоторых средиземноморских культурах эта практика отражает верования и стратегии иного свойства: во Флоренции в эпоху Возрождения она была призвана указывать на преемственность рода и возможность реинкарнации умерших предков (ребенка нарекали именем дедушки или бабушки лишь после их смерти). «Прославляя и реинкарнируя умерших, живущие избегают отчуждения от них; они их нейтрализуют, “выкупают”, не давая им безнаказанно скитаться в неясном и пугающем мире теней» [Klapisch-Zuber, 1980, 99]; на острове Карпатос в Греции наделение ребенка именем бабушки или дедушки указывает, как и в других местах, на преемственность рода (только старшие дети старших детей имеют право на такое имя), но также и на путь наследования собственности (здесь билинейный способ филиации) [Vernier, 1980]. Иначе говоря, правила передачи экономического и символического капитала в данном случае изоморфны. В этом контексте понятно, почему младшие, обделенные наследством, стремятся воспользоваться любой неудачей старших (бездетность и т. п.), чтобы унаследовать имена бабушек и дедушек, а вместе с ними и их капитал.

Таким образом, за наследованием имени через поколение скрываются смыслы и стратегии разного масштаба: в одних случаях имя предка выступает в качестве простой классифицирующей метки, в других — символизирует власть и соответствующие ей привилегии и почести. Антропологический анализ не должен ограничиваться выявлением перечня правил имянаречения, он должен выявлять контекстуальные факторы, влияющие на изменение значимости этих правил.

Таким образом, анализ антропонимических систем позволяет выявлять одновременно принципы, по которым общество классифицирует индивидов, и стратегии, структурирующие социальное пространство.

4. Имена как символы

Продолжая начатый К. Леви-Строссом процесс пересмотра традиционного подхода к антропонимии, мы оставили в стороне то, что некогда составляло [см., например: Lagock, 1932] главный предмет этнологического изучения личных имен: анализ символических функций, которыми мы их наделяем, их власти и действенности, которую мы в них признаем. Этот анализ, чтобы быть продуктивным, прежде всего должен быть направлен на выявление проблем, которые возникают при интерпретации значений имен собственных. Я зову свою дочь Маргаритой — поступая так, я стремлюсь либо продолжить семейную традицию (потому что ее бабушка носила это имя), либо поместить ее под защиту святой, либо просто следую моде, начало которой, впрочем, могло положить почитание соответствующей святой, либо сравнить свою дочь с цветком, либо воскресить в ней для себя волнующее воспоминание об одной или нескольких Маргаритах, которых я знал, либо, наконец, дать ей имя, ритмические и акустические свойства которого лучше всего сочетаются с моим отчеством. Выбор имени *Маргарита* может отвечать одной или несколькими из этих интенций. Сложность анализа символических функций имени собственного заключается в выявлении этих интенций. У нас слишком мало тщательных исследований, посвященных конкретным механизмам выбора имени, значения, которое ему приписывается независимо от классификационных функций, и при этом не тонущих под тяжестью экзегезы, открывающей в каждом слове целое море символов. На деле можно выделить три фактора, позволяющих «измерить» символическую значимость имени: условия, определяющие использование имени, его способность выполнять охранительную функцию и сходство, эксплицитно устанавливаемое между поименованным человеком и одноименным мифологическим или легендарным персонажем.

4.1. Власть имени: правила использования и запреты

Во многих обществах использование имени регулируется набором правил и запретов, придающих ему символический статус. У яномами, которых изучал Лизо, только дети до десяти лет называются личными именами. Затем «ограничения в их использовании последовательно усиливаются и к подростковому возрасту становятся максимально строгими» [Lizot, 1973, 65]. Самые строгие ограничения касаются имен умерших, отца, матери или «лиц, от которых можно получить жену» [Там же, 66]. Все эти ограничения, широко распространенные

в «примитивных» обществах [см.: Lévi-Strauss, 1962b, 234], основаны на том же принципе — идентификации имени и того, кто его носит. В этих условиях именовать значит воздействовать на того, кого называют. «В сознании местных жителей, — поясняет Лизо, — существует убеждение, что называние нежелательного объекта неизбежно приводит к появлению этого самого объекта, точно так же именование желательного объекта грозит привести к его исчезновению» [Lizot, 1973, 70]. У догонов в Мали идентификация «имя — человек» совершенно эксплицитна: каждый индивид получает четыре имени, которые указывают на его принадлежность к четырем социальным группам. «Тайное имя» подтверждает его тотемную принадлежность, «обиходное имя» указывает на семью его отца, «имя матери» — на материнский род, наконец, «приятельское имя» — на его возрастную группу [Calame-Griaule, 1965, 351]. Однако помимо выполняемых им классификационных функций, каждое имя в традиции догонов соответствует одному из конститутивных элементов «Я», заключенных в той или иной части тела. Так, «тайное имя» соответствует принципу «женского интеллекта» и в телесном плане локализуется в «головке печени»; «обиходное имя» соответствует «мужскому интеллекту», расположенному в «сердце», и т. д. [Там же, 352–353]. Произнести одно из этих имен означает воззвать к одному из этих конститутивных качеств и, в зависимости от обстоятельств, увеличить или уменьшить *ñāta* («жизненную силу») называемого человека. Перефразируя заглавие книги Дж. Остина, говорить — значит действовать.

Таким образом, понятно, что многие общества наделяют особым статусом имена мертвых. Некоторые запрещают их употребление: например, у догонов «ребенку никогда не дают имя умершего человека... поскольку это несет беду, ребенок долго не проживет» [Там же, 348]. Другие, напротив, предписывают систематическое использование имени умершего, которое в этом случае не только символизирует продолжение рода, но и является условием реинкарнации мертвых (см. выше наши замечания о подобной традиции в средневековой Флоренции, более общие соображения в [Lévy-Bruhl, 1910, 407–408]). Эти две противоположные тенденции основаны на одной и той же вере в символическую действенность имени, только в некоторых случаях ее стремятся нейтрализовать (когда имя покойного воспринимается как символ смерти), в других, напротив, актуализировать (когда передача имени должна способствовать бесконечной реинкарнации умерших). В наших обществах идентификация имени и носящего его лица все еще является первопричиной появления целого ряда обычаев, хорошо знакомых фольклористам: запрет произносить имя умершего из страха вызвать его возвращение в мир живых²⁵; смена личного имени, помогающая отвести беду,

²⁵ Об этом поверье, распространенном в большом количестве обществ, а также о возможной его психоаналитической интерпретации см.: [Freud, 1977, 68–69, 75].

которая связана с первым именем; произнесение личного имени, совершаемое во время какого-либо магического ритуала и являющееся необходимым условием эффективного воздействия на того, кто является объектом колдовства.

4.2. Власть имени: функции заступничества и охранения

Значение имени, подобно правилам его использования, несет отпечаток приписываемого ему символического статуса. В наших обществах значение большого числа личных имен перестало уже быть прозрачным: «Кто нынче думает о цветке или жемчуге, глядя на женину по имени Роза или Маргарита, или о черноте мавра, Ренессансе или цифре восемь, глядя на Мориса, Рене или Октава?» [Lévi-Strauss, 1973, 329]. Напротив, в Восточной Африке, например, значение антропонимов, ничем не отличающихся от имен нарицательных, совершенно прозрачно. У моси дети получают личные имена из слов повседневного употребления: «курица», «землеройка», «змея», «тамаринд» и т. п. Поверхностный взгляд на эти именованья мог бы привести нас к выводу о том, что моси посредством сложной системы символических соответствий идентифицируют индивидов с растениями, животными или даже с особыми жизненными обстоятельствами. Но факты несколько сложнее.

На самом деле, личные имена отсылают к опыту, предшествующему рождению ребенка и признаваемому — непосредственно или опосредованно, самой матерью или после обращения к божеству — в качестве «предписания высших сил» [Houis, 1963, 24]. Так, имя *běngdo* ‘листья фасоли’ напоминает о том, что схватки начались либо когда женщина занималась сбором фасоли, либо когда она готовила блюда из фасоли или соус из листьев фасоли [Там же, 55]. В данном случае имя является ответом на послание высших сил, гарантирующим, что послание это было понято, и за счет этого устанавливающим с высшими силами заступническую связь. «*Yure*, ответ людей на предписание высших сил, — поясняет Уи, — призван быть действенным, т. е. обеспечить ребенку жизнь» [Там же, 25]. Практика моси входит в число многочисленных случаев употребления имени собственного в соответствии с его охранительной или заступнической функцией, сходной, в известной мере разумеется, с существующей в наших обществах традицией помещать нареченного в крещении человека под защиту того или иного святого [Maître, 1965, 36–43, 56–63]. Во всех этих случаях выбор имени направлен на установление связи с потусторонним. Однако моси имеют одно существенное отличие: если в христианских обществах наречение именем направлено на то, чтобы защитить человека и наделить его качествами одноименного святого, у моси выбор имени, каковое никогда не является именем той высшей силы, к которой обращаются за помощью, имеет целью отвадить злые силы. Таким образом, отношения между «отправителем сообщения» и его «получателем» могут приобретать разную направленность в зависимости от конкретного случая.

4.3. Власть имени: символический статус идентичности

Анализ охранительных функций имен собственных создает основу для понимания системы ценностей и верований, создающих символический горизонт всякого общества. Изучение значений антропонимов, семантических сфер, в которые они вписаны, их коннотаций открывает путь к описанию «культурного профиля» [Zonabend, 1980, 14] группы и того символического статуса, которым посредством наречения именем наделяется индивид или которого ему желают, но только при соблюдении двух условий: во-первых, символика имени должна быть прозрачна и релевантна для носителей соответствующего языка; во-вторых, выбор имени должен предполагать намерение перенести качества эпонима на называемого индивида (а это условие соблюдается далеко не всегда: мы уже видели, что изолированный анализ значений антропонимов моси мог бы привести к ошибочному выводу о том, что моси идентифицируют индивидов с животными, растениями и т. п.).

Во многих обществах имена собственные связаны с мифологией. Таковы теофорические имена, засвидетельствованные, к примеру, в древней семитской культуре (*Йоханан (Иван)* ‘Бог смилостивился’) и современном мусульманском мире (*Абдалла* ‘раб божий’); таковы же и тотемические именованья, устанавливающие родство индивида с одноименными тотемными животными, прародителями наличного социального порядка. Нужно ли напоминать, что разнообразие этих тотемических именованья в равной мере свидетельствует как об этом родстве, так и о метафорической классификации групп, подгрупп и отдельных индивидов? «Разнообразие тотемных видов», напоминает нам К. Леви-Стросс [Lévi-Strauss, 1962a, 145], есть «концептуальная основа социальной дифференциации».

Эксплицитно отсылая к мифу, имена собственные приобретают полноту своего значения, начинают предсказывать судьбу тех, кто их носит, посредством их идентификации с участниками соответствующего мифологического сюжета. Так, например, обстоит дело у гитаров, классификационную строгость антропонимической системы которых мы уже обсуждали выше. «Порядковые имена», указывающие на очередность рождения их носителей, помимо всего прочего символизируют судьбу каждого siblinga. Согласно мифологическим представлениям гитаров, «первые четыре мужских имени означают ни что иное, как суровую борьбу за наследство»: *Tizi* (имя старшего сына, обозначающее убийство) — «будет убит, дабы не наследовал слишком поспешно своему отцу»; *Zourmba* («хитрый, сильный») является именем того, «кто получает наследство»; *Toutaba* («липкий, глупый») будет убит, потому что он слишком близко «липнет» к наследнику; *Vondou* («ястреб») — хищная птица, выслеживающая наследство. Таким образом, как и механизмы атрибуции, сами значения имен могут метафорически выражать цели, структурирующие социальное пространство. В случае гитаров то, что составляет классификационную логику «порядковых

имен» (иначе говоря, значение каждого ранга в последовательности рождений), находит свое подтверждение и объяснение в мифологическом компоненте значения антропонимов (в которых отражается сюжет борьбы за наследство).

Сферы, из которых берутся или выбираются имена, часто прекрасно раскрывают доминирующие тенденции в их культурной символической. Так, сегодня мы отмечаем рост популярности таких имен, как *Jack, Jackie, Johnny* и т. п. — это дань культу современности и продолжающейся на протяжении нескольких последних десятилетий американизации нашего образа жизни. Далеко от нас, у нуэров, значимость «имени быка», обозначающего способ распределения обязанностей, форму рогов или какую-то другую особенность любимого животного именуемого человека [Evans-Pritchard, 1971, 188], отражает — нужно ли специально говорить об этом? — важнейшую, основополагающую для данного общества роль крупного рогатого скота.

Помимо специфических семантических сфер, характерных для отдельных культур, в антропонимии существует и универсальная символика. Так, большое количество этнонимов и коллективных прозвищ используют термины из сферы питания: в таких именовании, как *frog-eaters, roast-beef, macaroni, kalle-mâhixor* («те, кто едят рыбы головы») и т. п., употребляемых англичанами для обозначения французов, французами для обозначения англичан, теми и другими для обозначения итальянцев, жителями Тегерана для иронического обозначения жителей прикаспийских провинций, слышится эхо разнообразных деревенских прозвищ, используемых в Европе для именовании соседей по их пищевым привычкам, чаще всего рассматриваемым как культурно маргинальные. «Улиткоеды» (*mange-escargots*) спорят здесь с «гусеницедами» (*mangechenilles*), «жукоеды» (*mange-charançons*), «слизнеедами» (*mange-limaces*) или «поедателями комаров» (*mange-moustiques*) [см. об этом, например: Bernardy, 1962]. Короче говоря, коллективная идентичность часто устанавливается через отсылку к пищевым привычкам. Два вопроса заслуживают здесь особого рассмотрения: почему коллективные прозвища, даваемые соседними группами, обычно носят уничижительный характер? И как объяснить частотность корреляции «групповая идентичность — пищевое поведение»?

Этнонимы и коллективные прозвища чаще всего строятся на отторжении и насмешке. Соседи выводятся в них в качестве любителей сырой пищи, отвратительных насекомых и даже падали — на фоне этих негативных качеств наилучшим образом проявляется превосходство автохтонной группы. «Человечество, — пишет Леви-Стросс, — заканчивается (во всяком случае, символически) на границе племени, языковой группы, иногда даже отдельной деревни» [Lévi-Strauss, 1969, 21]. Эти приемы уничижения вписываются в широкую стратегию символической дифференциации (языковой, вестиментарной и пр.), скрепляющей, посредством игры оппозиций, идентичность местной группы. Отметим лишь, что чем выше культурная близость соседних групп, тем выше потребность

в подобной дифференциации и тем ярче она проявляется²⁶. Эти уничижительные прозвища, пронизанные иронией и насмешкой, не только способствуют сплочению сообщества и осознанию собственного превосходства, но также служат своего рода отдушиной, катализируя агрессию и конфликты, возникающие, среди прочего, из потребности в дифференциации, установлении отличия от своих соседей.

Какова, наконец, роль пищевой символики? Целый ряд фактов²⁷ и исследований, в частности работ по тотемизму, обнаруживают связь между социальной идентичностью и пищевой символикой. Среди разнообразных форм причастия одним из символов общественной сплоченности является совместная трапеза: «Пить и есть с другим» — это «одновременно и символ и способ сплочения сообщества и закрепления взаимных обязательств» [Freud, 1977, 155]. Кроме того, целая сеть метафор и запретов связывает прием пищи со священным или профанным (в зависимости от типа блюда), с продолжением группы и воспроизводством вида (во многих языках «есть» метафорически означает «иметь сексуальные отношения»)... — одним словом, с самим фундаментом общества и культуры. За красочными, насмешливыми коллективными прозвищами, возможно, скрываются атавистические, трудно различимые проявления тотемизма.

* * *

Если рассматривать имена собственные во всем богатстве их функций и значений, антропонимы оказываются невероятно богатым материалом для антропологического исследования. Ономастическая система в этом случае предстает как бы двойной сеткой, через которую мы «считываем» общество и культуру. С одной стороны, это классификационная система, изучение которой позволяет выявить явные и скрытые принципы, регулирующие объединение и разделение индивидов внутри общества; с другой стороны, это система символов, анализ которых обнажает ценности и цели, регулирующие индивидуальную и групповую идентичности внутри коллектива. В различных обществах, а равно и внутри одного общества, независимо от типа имени (будь то личное имя, патроним, прозвище и т. п.) эти две функции могут по-разному видоизменяться. Однако

²⁶ Диалектологи, в частности Сеги [Séguy, 1973], выявили этот феномен, показав, что более существенны различия между соседними говорами, нежели между говорами родственными, но географически не соприкасающимися друг с другом.

²⁷ Многие кулинарные блюда, например, включают в свое название этноним: «салат по-ниццки» (*salade niçoise*), «спагетти болонезе» (т. е. «по-болонски»; *spaghetti bolognese*), «гратен подофински» (*gratin dauphinois*) и др. Кулинарные термины обладают также особой вариативностью, порой называя, в зависимости от региона, противоположные вещи: термин, используемый в одном месте для обозначения дыни, в другом называет арбуз; слово, называющее в одном месте котлеты, в другом используется для обозначения рубленого мяса и т. д.

только через анализ обеих функций можно понять логику антропонимических систем и, наконец, ту странную ситуацию, о которой с нескрываемым удивлением сообщает нам Монтень: «Генрих, герцог Нормандский, сын Генриха II, короля Англии, давал однажды во Франции пир, на котором присутствовало столько знати, что забавы ради она разделилась на отряды по признаку имен: и в первом отряде — отряде Гильомов — оказалось сто десять рыцарей этого имени, сидящих за столом, не считая простых дворян и слуг»²⁸. Решительно, именовать — значит далеко не только идентифицировать.

-
- Annales de démographie historique: Techniques et méthodes. Actes du colloque de Florence. Paris ; La Haye, 1972.
- Benoit F.* La Provence et le Comtat Venaissin. Avignon, 1975.
- Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. II. Paris, 1976.
- Bernardy A.* Les sobriquets collectifs (Gard et pays de langue d'oc). Uzès, 1962.
- Bromberger C.* Maison et famille // C. Bromberger, J. Lacroix, H. Raulin. L'architecture rurale française, Provence. Paris, 1980. P. 111–112.
- Bromberger C., Porcell G.* Choix, dation et règles d'utilisation des noms propres dans une commune de l'Hérault : Bouzigues // Le Monde Alpin et Rhodanien. Vol. 1–2. 1976. P. 133–151.
- Burguière A.* Un nom pour soi. Le choix du nom de baptême en France sous l'Ancien Régime (XVIe–XVIIIe siècles) // L'Homme. 1980. T. 20. № 4. P. 25–42.
- Calame-Griaule G.* Ethnologie et langage. La parole chez les Dogon. Paris, 1965.
- Canestrier P.* Prénoms et noms de famille dans le Comté de Nice depuis le XIe siècle // Revue Internationale d'Onomastique. 1951. № 2. P. 139–151.
- Centlivres P.* Noms, Surnoms et Termes d'Adresse dans le Nord Afghan // Studia Iranica. I/1. 1972. P. 89–102.
- Collard C.* Les «Noms-numéros» chez les Guidar // L'Homme. 1973. T. 13. № 3. P. 45–59.
- Collomp A.* Le nom gardé. La dénomination personnelle en Haute-Provence aux XVIIe et XVIIIe siècles // L'Homme. 1980. T. 20. № 4. P. 43–62.
- Dauzat A.* Les Noms de Personnes. Paris, 1942.
- Dauzat A.* Les noms de Famille de France. Paris, 1949.
- Dauzat A.* Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris, 1951.
- Ervin-Tripp S.* Sociolinguistic rules of address // Sociolinguistics. Harmondsworth, 1972. P. 225–240.
- Evans-Pritchard E. E.* Les Noms de Personnes chez les Nuer // E. E. Evans-Pritchard. La Femme dans les Sociétés Primitives et autres essais d'Anthropologie Sociale. Paris, 1971.
- Freud S.* Totem et Tabou. Paris, 1977.
- Geertz H. & C.* Teknonymy in Bali: Parenthood, Age grading and Genealogical Amnesia // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1964. Vol. 94. Pt. 2. P. 94–108.
- Houis M.* Les noms individuels chez les Mosi. Dakar, 1963.
- Kajanto I.* On the chronology of the cognomen in the Republican Period // L'Onomastique Latine. Paris, 1977. P. 63–70.

²⁸ Пер. А. С. Бобовича. Цит. по: Монтень М. Об именах // М. Монтень. Опыты : в 3 ч. Ч. 1. М. ; Л., 1954. С. 346. — Прим. пер.

- Klapisch-Zuber C.* Le nom «refait». La transmission des prénoms à Florence (XIVe–XVIe siècles) // *L'Homme*. 1980. T. 20. № 4. P. 77–104.
- Larock V.* Essai sur la valeur sacrée et la valeur sociale des noms de personnes dans les sociétés inférieures. Paris, 1932.
- Le Saulnier De Saint-Jouan M. R.* Le Nom de Famille en Béarn et ses origines // *Revue Internationale d'Onomastique*. 1950. № 2. P. 121–141, 199–218, 277–290 ; 1951. № 3. P. 45–58, 131–138, 211–229, 285–300 ; 1952. № 4. P. 45–59, 131–138, 221–230, 289–302.
- Lebel P.* Les Noms de Personnes. Paris, 1968.
- Léon M.* Of Names and First Names in a Small French Rural Community: linguistic and Sociological Approaches // *Semiotica*, 17/3. 1976. P. 211–231.
- Lévi-Strauss C.* L'organisation sociale des Kwakiult // *C. Lévi-Strauss. La Voie des Masques*. Paris, 1979. P. 164–192.
- Lévi-Strauss C.* Le Totémisme aujourd'hui. Paris, 1962a.
- Lévi-Strauss C.* La Pensée Sauvage. Paris, 1962b.
- Lévi-Strauss C.* Race et Histoire. Paris, 1969.
- Lévi-Strauss C.* Religion, langue et histoire: à propos d'un texte inédit de Ferdinand de Saussure // *Méthodologie de l'histoire et des sciences humaines. Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel*. Toulouse, 1973. T. 2. P. 325–333.
- Lévy-Bruhl L.* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris, 1910.
- Liautard B.* A propos des surnoms de lignée dans les villages des Alpes du Sud (villages de montagne) // *Ethnologia* (Limoges), 17–20. 1981. P. 95–137.
- Lizot J.* Onomastique yanōmami // *L'Homme*. 1973. T. 13. № 3. P. 60–71.
- Maitre J.* Les fréquences des prénoms de baptême en France // *L'Année Sociologique*. 1964. P. 31–74.
- Nicolet C.* L'onomastique des classes dirigeantes sous la République // *L'Onomastique Latine*. Paris : CNRS, 1977. P. 45–57.
- Perret D.* Les appellatifs // *Langages*, 17. 1970. P. 112–118.
- Pitt-Rivers J.* Ritual kinship in the Mediterranean: Spain and the Balkans // *Mediterranean Family Structures*. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. P. 317–334.
- Pitt-Rivers J.* The People of the Sierra. Chicago ; Londres, 1971.
- Portères R.* Les Noms des Riz en Guinée // *Journal d'Agriculture Tropicale et de Botanique Appliquée*. 1966.
- Segalen M.* Le nom caché. La dénomination dans le pays bigouden sud // *L'Homme*. 1980. T. 20. № 4. P. 63–76.
- Séguy J.* La dialectométrie dans l'Atlas Linguistique de la Gascogne // *Revue de Linguistique Romane*. 1973. № 1. P. 1–24.
- Tierou A.* Le Nom africain ou langage des traditions. Paris, 1977.
- Vallet A.* Les noms de personnes du Forez et confins aux XIIe, XIIIe et XIVe siècles // *Publications de l'Institut de Linguistique Romane de Lyon*. Paris, 1961.
- Vernier B.* La circulation des biens, de la main-d'oeuvre et des prénoms à Karpathos: du bon usage des parents et de la parenté // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1980. № 31. P. 63–92.
- Vovelle M.* Piété baroque et déchristianisation en Provence au XVIIIe siècle. Paris, 1978.
- Vroonen E.* Les Noms de Personnes dans le Monde: Anthroponymie universelle comparée. Bruxelles, 1967.
- Zonabend F.* Jeux de noms. Les noms de personnes à Minot // *Études rurales*. 1979. 74. P. 51–85.
- Zonabend F.* La parenté baptismale à Minot (Côte d'Or) // *Annales ESC*. 1978. № 3. P. 656–676.
- Zonabend F.* Le nom de personne // *L'Homme*. 1980. T. XX. № 4. P. 7–23.
- Zonabend F.* Pourquoi nommer? // *L'Identité: Séminaire dirigé par C. Lévi-Strauss*. Paris, 1977. P. 257–279.

Пер. с фр. Д. В. Спиридонова